

**РУССКАЯ
КРАСАВИЦА**

**Елена
Арсеньева**

**Т
айная
жена**

**МОСКВА
2018**

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Оформление серии *Е. Анисиной*

Ранее книга выходила под названием
«Страшное гадание»

В оформлении обложки использована репродукция картины «Портрет В.Д. Римской-Корсаковой», 1864 г. художника *Франца Винтерхальтера* (1805—1873).

В коллаже на обложке использованы фотографии:
Jo Ann Snover, Prokrida, Ukki Studio, Lisovskaya Natalia, 6
HiSunnySky, spaxiax, kostins, Mariel887,
pashabo / Shutterstock.com

Фрагмент шрифтового оформления в дизайне обложки:
FRACTAL, Gleb Guralnyk / Shutterstock.com;
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Тайная жена : [роман] / Елена Арсеньева. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-093959-6

Русская кузина Марина Бахметева, появившаяся вдруг в замке английского лорда Десмонда Маккола, мало кому пришлось по душе. И пуше всех сторонится ее сам хозяин. И никто не догадывается, что Марина — не кузина ему, а венчанная жена, но брак их свершился при таких странных обстоятельствах, что молодые люди его тщательно скрывают. Интриги, колдовство и роковые тайны опутывают Марину и Десмонда, события то разносят их в разные стороны, то бросают в объятия друг друга. И постепенно Марина начинает понимать: есть на земле сила, которая превозмогает все беды. Имя ей — любовь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е. А., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-093959-6

Длиннее дороги лишь ветер один,
И глубже любовь всех подводных глубин!

«Баллада о загадках»

Глава I

ЧЕРТ В ЗЕРКАЛЕ

*У*з-под двери немилосердно несло по ногам. Баню топили с утра — теперь она почти выстыла. Одно хорошо: в такую холодину не сунется мыться всякая сила нечистая: банники, домовые, русалки, черти, призраки разные... Хотя для чего Марина здесь сидит, как не для вызывания призрака будущего жениха?! Ох, скорей бы уж он явился, пока никто не узрел слабый огонек в банном окошке, не явился посмотреть, что там, да не увидел хозяйскую племянницу сидящей перед зеркалом. Тогда плохо ей придется. Дядюшка еще за долго до Рождества грозился во всеуслышанье собственноручно выдрать всякую, кто осмелится снег полоть, воск топить, шупать бревешки в поленнице, бегать украдкой в овин — словом, выведывать судьбу.

Дядюшка, разойдясь, не знал удержу в суровости обхождения со своими дворовыми людьми. Разве удивительно, что ни одна из Марининых подруг — дворовых девушек, знавших ее с детства, — не решились разделить с барышней ее ночное бдение?

Марина вдруг спохватилась, что полночь наступит с минуты на минуту!

Она прислонила зеркало к чурбачку, придвинула ближе свечу, поставила рядом два серебряных стаканчика с вином и положила два ломтя пирога. Это было все, что удалось стащить: ключи от буфетов и шкафов с хорошей посудой тетка самолично носила на поясе. А вдруг Марине сужден царский сын? Да он просто не пожелает явиться к такой неучливой невесте!..

Ой, пора начинать! Марина поглубже вздохнула — и чуть слышно произнесла заветные слова:

— Суженый мой, ряженный, приди ко мне вечером!

Заклинание следовало произнести трижды. В другой раз голос звучал уверенней, ну а в третий и вовсе хорошо вышло:

— Суженый мой, ряженный, приди ко мне вечером!

Девушка уставилась в зеркало так пристально, что заслезились глаза.

А там ничего не было, кроме дрожащей свечи и ее собственного бледного лица. Она вновь забормотала, стискивая ворот полушубка:

— Суженый мой, ряженный...

Горло вдруг перехватило. Отражение свечи заметалось, и Марине почудилось, что в зеркале распахнулся некий темный проем, откуда потянуло стужею, и там замаячила какая-то фигура, а потом показалось и незнакомое лицо.

Мужское лицо!

Незнакомец не отличался ослепительной красотой со своим худым лицом, дерзкими светлыми глазами и насмешливым ртом. Однако было в его

настойчивом взгляде нечто, заставившее сердце Марины затрепетать, а губы ее невнятно прошептать новое заклинание:

— Люб ты мне, суженый-ряженный, а потому выйди в мир Божий хоть на час, хоть на минуточку!

И она замерла в ожидании: сбудется? Нет?

Сбылось! Лицо в зеркале заколебалось, а потом Марина ощутила движение за спиной.

Она обернулась — так резко, что едва не слетела с лавки, да он успел схватить ее за плечи и поддерживать.

С трудом вспоминая, что требовалось по обряду, Марина едва не пригласила его отведать «питий медвяных да яств сахарных», но вовремя спохватилась: с той поры, как призрак выходил из зеркала, нельзя было ни слова молвить! Однако как же его пригласить к столу?.. И еще надобно улучшить миг и выкрасть какую-нибудь вещь, ему принадлежащую, которая будет как магнитом притягивать суженого к суженой и не даст ему избежать предначертанного. Ведь с каждой минутой призрак жених нравился Марине все больше!

Похоже, она ему тоже глянулась, потому что взор его так и горел. Они стояли, схватившись друг за друга, и рассматривали друг друга, и улыбались, а потом он заговорил...

У Марины громко застучало сердце. Конечно, он говорил на своем, призракном языке, но она, к своему изумлению, понимала его речь! А была та речь очень для девушки приятная. Она-де, красавица неопиcуемая, с первого взгляда пришлась ему по сердцу, и как же он счастлив, что ветер стран-

ствий занес его нынче ночью на огонек одинокой свечи, столь таинственно мерцавшей во мраке!

Слова насчет ветра странствий несколько озадачили Марину. Что ли, он болтался где-то в воздухе над землей, в компании других таких же прозрачных женихов, не зная, куда податься? И лишь нечаянно залетел именно на огонек Марининой свечи, а не какой-то другой? Да ну, пустое все это. Главное, что он здесь, что они пришлись друг другу по нраву!

Надо стать к нему поближе — тогда, может быть, удастся вынуть из кармана его бекеша что-то на память. А если он учует недоброе, схватит Марину за руку, словно жалкую воришку? Надо отвлечь его. Но как? Его улыбающиеся губы были совсем близко, и Марина подумала, что вот хорошо бы поцеловать его, а самой сунуть руку в его карман. Однако милому ее гостю пришла та же мысль, что и ей. Мысль о поцелуе.

Марине чудилось, что она плывет в каком-то бирюзовом тумане, растворяется в нем. Туман заполнил ее голову, всякое ощущение действительности исчезло. На миг привело ее в сознание ощущение чего-то болезненно-твердого, прильнувшего к бедрам, а потом вдруг стало больно груди. Марина приоткрыла скованные сладостной истомою веки и, увидев близко-близко затуманенные, отрешенные светлые глаза, поняла, что обнялись они с ее милым суженым столь крепко, что каждый изгиб их тел совпал с изгибом другого тела. Эта близость на миг испугала Марину: ведь жар, исходивший от

тела незнакомца, едва не расплавил ее, раскалил, разжег — да так, что она начала задыхаться, будто в горячке.

Пол ушел из-под ног, странная тяжесть накрыла ее; Марина изумленно поняла, что лежит... и холодок коснулся ее обнаженной груди.

Он расстегнул ей платье! И что же делают его руки? Одна ласкает грудь, а другая осмелилась коснуться потаенного местечка, коего стыдилась и сама Марина, ибо именно оно было вместилищем греха?

Увы, грех вполне овладел Мариною! Чужая жаркая плоть вторглась в ее тело, причиняя жгучую боль.

Марина сдалась ей, подчинилась, и та вдруг отступила, словно обрадованная такой безусловной покорностью. Синие волны плыли перед ней; синие звезды качались на них, колыхались синие цветы. И вдруг волны вздыбились, цветы расцвели, звезды вспыхнули!

Счастье свершилось непереносимое, и сон, похожий на беспомыслие, а может быть, беспомыслие, похожее на смерть, накрыло Марину своим милосердным покрывалом.

Глава II

ЗАМОРСКИЙ КУЗЕН

В ту минуту, когда Олег Чердынцев впервые увидел эту Божью тварь: высокая шляпа торчком, волосы до самых плеч, толстый галстук, в котором спрятана была вся нижняя часть лица, обе руки

в карманах, — он едва не расхохотался до колик. Да неужто сия нелепая верста коломенская приходится ему, Олегу, кузеном?! И все из-за того, что сестрица папенькина, Елена Юрьевна, четверть века назад по уши влюбилась в какого-то заезжего милорда и была увезена им в туманный Альбион, где и произвела на свет этакое несусветное создание. Десяток лет тому назад она преставилась. Сэр Джордж, супруг ее, на свете тоже не зажился. Дошел слух, что он не то помер с тоски, не то взял и пронзил себя шпагой на гробе жены. Эта романтическая история потрясла все семейство Чердынцевых, наполнив его жгучей жалостью к единственному сынку бедняжки Елены. Отец Олега, граф Чердынцев, положил себе непременно устроить встречу Олега с кузеном, а чтобы сын его не выглядел в глазах младшего лорда Маккола пентюхом, нанял ему английского учителя. Все детство Олега было омрачено попыткой различить простое прошедшее время от прошедшего совершенного. У него с Мариной Бахметевой, дочерью недавно погибших соседей, был один на двоих учитель мистер Керк; и хоть Олегу до сих пор не удавалось повидать сию девицу (опекуны держали ее в черном теле, единственно не щадя деньги на образование, что было условием завещания), он заочно терпеть ее не мог. Ведь мистер Керк все уши Олегу прожужжал о том, какие необыкновенные способности к языкам у мисс Бахметевф!

Глядя на кузена, никто бы никогда не сказал, что Десмонд Маккол не на печи бока пролеживал, а воевал! Новым лордом сделался по закону его

старший брат Алистер (не родной, а сводный, от первого отцовского супружества, ибо лорд Джордж был уже вдовцом, когда посватался к прекрасной Елене), унаследовав в качестве майората семейное достояние в виде замка и прилегающих земель. А Десмонд тогда же отправился в Россию, чтобы войти в матушкино наследство. Ее приданым было нижегородское имение близ Воротынца, в чудных, привольных местах, находившееся все эти годы на попечении беззаветно любящего сестру графа Чердынцева. Однако по пути Десмонд случайно познакомился с участниками лиги «Красный цветок»¹ — и прочно забыл обо всем на свете, кроме спасения французских аристократов от кровавого революционного террора. Жизнь его протекала между Англией и Францией в беспрестанном риске и опасностях. Наконец революция победила. Его товарищи искали спасения в Швейцарии, Германии, пытались вернуться в Англию. Десмонд же ринулся в Россию, по пути постепенно избавляясь от привычки настороженно вслушиваться и оглядываться — и приобретая облик цивилизованного англичанина. Этот облик и вызывал в Олеге Чердынцеве непрестанное желание хохотать... которое со временем прошло.

Подвигами своими Десмонд ничуть не кичился, уверяя: на риск его толкало желание доказать старшему брату, что имя и честь можно не только

---

¹ Союз английских искателей приключений, спасавших от гильотины обреченных французских аристократов и перевозивших их в Англию в конце XVIII в.

унаследовать, но и добыть в бою, как это и велось в достопамятные времена рыцарства. Оказалось, этот молодой, состоятельный, красивый, довольно образованный человек — необузданный удалец. Скоро все петербургские приятели Олега были в восторге от Десмонда. С изумлением Олег обнаружил также, что кузен его настоящий сердцеед — остроумный, беззаботный, дерзкий. Этот высоченный блондин с насмешливыми голубыми глазами обладал таким обаянием, перед которым не могла устоять ни одна женщина. При этом он был человек со светлым умом и чистым сердцем, а оттого за ним не числилось ни одного публичного скандала или дуэли с обиженным мужем. Говоря короче, спустя чуть больше месяца после первой встречи Олегу уже казалось, что кузен его, в общем-то, недурной парень! Однако едва Десмонд вошел во вкус петербургской жизни, как был вызван в английское посольство, где узнал ошеломляющую новость: он теперь лорд Маккол, ибо старший брат его Алистер месяц тому назад погиб при самых загадочных обстоятельствах. Коронер¹ настаивал, что убийство совершил браконьер, схваченный сэром Алистером на месте преступления и скрывшийся. Предполагаемого убийцу искали, но поскольку никто не знал, кого, собственно говоря, искать, все усилия сами собой сошли на нет. Сэр Алистер не успел жениться и родить детей, а значит, единственным и бесспорным наследником являлся его младший брат Десмонд...

---

¹ Судья (англ.).

Надо было возвращаться в Англию, но Десмонд выразил пожелание все-таки осмотреть свое нижегородское имение и получить все бумаги на него: ведь неизвестно, когда он снова прибудет в Россию, так что формальности следовало исполнить незамедлительно.

В Воротынец Десмонда сопровождал Олег; он же помогал исполнить всяческие формальности, отыскать дельного управляющего. Дела затянулись... Сперва Десмонд намеревался воротиться в Петербург по первопутку, чтобы добраться до Англии к Рождеству, затем стал чаять успеть к Рождеству хотя бы в Петербург! Однако похоже было, что придется им провести рождественскую ночь в пути.

Самое обидное, что дом был в каких-нибудь трех верстах, когда сани вдруг стали.

Олег потер ладонью запотевшее оконце: в возке были настоящие стекла, даже не слюдяные вставочки! Вихри неслись над землей, взмывали к взбаламученным небесам, и чудились в них некие непредставимые существа с разметавшимися белыми волосами, неимоверно длинными руками, белые лица, огромные хохочущие рты... Он быстро перекрестился.

— Ну и ночка! — пробормотал, зябко поеживаясь. — Истинно праздник для нечисти. Удалая ночка, разбойничья! Сейчас бы к девкам на посиделки нагрянуть, не то — в баньку.

— O, the bagnio! — услышав знакомое слово, оживился Десмонд.

Олег хихикнул. Кое-каких русских словечек этот англичанин, оказавшийся весьма смышленным, поднабрался, но баню упорно называл the bagnio, что по-английски, как известно, значит — веселый дом, и как Олег ни сдерживался, он не смог не засмеяться.

— А ведь и верно! — воскликнул он. — Веселый дом! В ночь на Рождество прибежит девка в пустую баньку, станет спиной к печке, юбку задерет и молвит: «Батюшко-банник, открой мне, за кем мне в замужестве быть, за бедным аль за богатым?»

— Юбку задирают? — прокудахтал Десмонд, едва сдерживая смех. — И что потом?

— Потом банник, стало быть, должен девку по заднице погладить. Ежели теплой лапой погладит, будет у нее муж добрый, ежели холодной — злой. Мохнатая лапа — быть девке за богатым, голая — за бедным. Вот такое гаданье! Я сам как-то при чем-то подобном присутствовал...

— Ну, ну и что?! — в нетерпении воскликнул Десмонд, чуя по улыбке Олега, что в сей вечер стряслось нечто особенное.

Молодой Чердынцев не заставил себя долго упрашивать:

— Там девка была одна, Аксютка, ну, хороша, будто яблочко наливное. Титьки — во! — Он очертил два фантастических полушария, потом, заметив, что Десмонд в сомнении поджал губы, слегка приблизил окружности к реальности: — Ну, вот такие, не меньше! Задница — тоже будь здоров. Идет — аж вся колышется. Ну, я и говорю Костюньке, лакею нашему: мол, я сейчас отлучусь,

а ты Аксютку подговори в баньку пойти, тоже на суженого погадать, а то, мол, и не заметишь, как в девках засидишься! Да когда она в баньку пойдет, говорю, постереги, чтоб никто туда более не совался. Костюнька мигнул мне: все, дескать, слажено будет! Я вышел тихонько — да к баньке. Зашел, застался возле печки. Кругом тьма египетская, только луна сквозь окошечко подсвечивает. И вдруг — чу! — снег хрустит под торопливыми шажками. Бежит со всех ног! Вскочила в баньку, повернулась к печке спиной и юбки — р-раз! — на спину себе забросила. Задница у нее — ну, сугроба белее! Как поглядел я на это богатство — у меня едва штаны не прорвались. А она из-под юбок своих бормочет: «Покажи, мол, банник-батюшко, каков будет мой суженый?» Я руку-то нарочно за пазухой держал, она не то что теплая — горячая была. Погладил я Аксютку — она аж взвизгнула, но ничего, наутек не кинулась, только на лавку локтями оперлась, чтоб стоять удобнее, ноги расставила да и говорит: «А покажи мне, батюшко-банник, каково-то будет мне с мужем жить, сладко ай нет?»

Я как наддал — Аксютка аж с лавки свалилась, но я своего не упустил! Прыткая оказалась — жаль, что не девка уж была. Хоть и печалился я, что распечатанною она мне досталась, а потом понял, что нет худа без добра: кой-чему ее успели научить прежние ухажеры, да лихо научить! Я ее сперва в дом взял, а когда намиловались вволю и Аксютка зачреватела, выдал ее за Костюньку. Теперь оба в Петербурге, в доме нашем, надзирают за хозяйством, сынок у них растет..